

*Подготовила Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»*

Русская муза Анри Матисса

*(Беседа о жизни и творчестве французского художника
к 140 - летию со дня его рождения)*

На одном из недавних аукционов «Кристис» «*Портрет в голубом манти*» французского художника **Анри Матисса (1869-1954)** стал беспрецедентно дорогим лотом. На нем изображена **Лидия Делекторская** - любимая модель Матисса, его секретарь и биограф. Другой портрет Лидии - «*Одалиска. Голубая гармония*» - был продан на предыдущих торгах за 33 миллиона (!) долларов.

Но не только невероятная стоимость картин остается загадкой. Сами полотна скрывают тайну, завесу над которой сегодня уже вряд ли кто-то сможет приподнять.

Однако, все же можно попробовать это сделать, организовав **12 января 2010 года** на одной из встреч в **литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МУК ТБК** беседу о жизни и творчестве Матисса, заказав для книжной выставки нужные книги и альбомы в библиотеке искусств МУК ТБК, распечатав портрет художника и другие фотографии.

В декабре 2009 года исполнилось 140 лет со дня рождения этого великого человека. И многим читателям было бы интересно узнать о том, что за отношения связывали его, известного французского художника, мужа с многолетним стажем, заботливого отца троих взрослых детей, и нищую русскую эмигрантку, практически не знавшую французского языка, но ставшую его музой.

Когда Анри Матисс и Лидия Делекторская встретились, ему было шестьдесят три, ей - двадцать два. Разумеется, они не могли знать, что судьбы их сплетутся в один узор - мучительно-счастливый. И расплести его не сможет даже смерть.

В одном из писем к родственникам сама Делекторская писала так: *«Вас интересует, была ли я «женой» Матисса. И нет, и да. В материальном, физическом смысле слова - нет, но в душевном отношении - даже больше, чем да, так как я была в продолжение 20 лет «светом его очей», а он для меня - единственным смыслом жизни».*

Из юристов - в художники

Анри Матисс родился 31 декабря 1869 года на скучном, скупом на солнце и радость промышленном северо-востоке Франции, в семье торговца Эмиля Матисса и продавщицы Анны Жерар, которые мечтали о том, чтобы их сын стал адвокатом.

Детские годы будущего художника прошли в Боэн-ан-Вермандуа, под задымленным небом, которое коптили мрачные фабричные трубы и где его отец, торговал зерном в собственной лавке. В 1882-1887 годах Анри учился в лицее, а после изучал юриспруденцию в Париже в Школе юридических наук. В 1888 году Матисс получил право работать. Он возвращается в небольшой городок Сен-Кантен и поступает работать клерком у присяжного поверенного. Одновременно в свободное время посещает курсы рисунка. Матисс впервые пробует свои силы в живописи, копируя цветные открытки.

В 1891 году, преодолев сопротивление отца, Матисс оставляет юриспруденцию и переезжает в Париж. С 1892 года Анри учится в Академии Жюлиана у А.В. Бугро - мэтра салонного искусства. Потом шесть лет работает в мастерской Г. Моро в Школе изящных искусств. Копирует в Лувре произведения Шардена, де Хема, Пуссена, интересуется творчеством Гойи, Делакруа, Энгра, Коро и Домье.

Мистик и символист Моро предрекал начинающему художнику большую будущность, особенно высоко оценивая его новаторские приемы в сочетаниях разных цветов. А Гийом Аполлинер говорил так: *«Если бы творчество Матисса нуждалось в сравнении, следовало бы взять апельсин. Матисс - плод ослепительного цвета».*

Чудо может возникнуть прямо из серой обыденности. Анри твердо выучил этот урок еще в детстве, наблюдая за тем, как его мать расписывает керамику. *«Нужно уметь находить радость во всем в небе, в деревьях, в цветах. Цветы цветут всюду для всех, кто только хочет их видеть»*. *«Краски в картине должны будоражить чувства до самых глубин»*, - так считал Анри Матисс.

На фабриках его родного Ле-Като, в Пикардии, делали прекрасные, разноцветные ткани. Довольно рано оторвавшись от дождливой родины и переселившись поближе к морю и цветам, он никогда не забывал о ярких лоскутах, так впечатливших его в детстве. Потому практически на каждой его картине так много текстиля: шторы, скатерти, покрывала, женские платья и шали. Можно сказать, что все его полотна - это ткани, «вытканые» кистью художника. И даже девушки на них становились частью дивного узора. Француженки, испанки, мавританки...

В одном искусствоведческом труде перечислены несколько десятков имен натурщиц, позировавших Матиссу. Некоторых он писал годами, пока не исчерпывал интерес к натуре. По его собственным словам, он следил за сокровенной жизнью лиц и тел этих юных существ, как энтомолог - за редкой бабочкой: *«Человеческая фигура более всего дает мне возможность выразить мое почти религиозное преклонение перед жизнью»*.

И это правда - даже в его «ню» и одалисках нет намека на пот и секс, лишь - налет тончайшего эротизма. А его графические рисунки и вовсе - словно изысканные кружева галльской поэзии.

И все-таки некоторая французская фривольность ему была не чужда. В молодости он вместе со своими веселыми друзьями-художниками любил распевать, сидя в кафе, скабрзные песенки. Да и натурщицы были слишком большим соблазном, которому так легко найти оправдание: *«Художнику нужна подпитка!»*

Тихая семейная гавань

К 1932 году, а именно тогда произошла встреча Матисса и Лидии Делекторской, он прожил со своей женой 34 года. А женился художник в возрасте 30 лет. Его избранницей стала великолепная высокая южанка **Амелия Прейер**, достойная девушка из хорошей семьи.

Жил Матисс в то время трудно, его будущий триумф ничто не предвещало. Кроме того у него от некоей Камиллы Жобло была внебрачная дочь Маргарита, которая тоже требовала заботы.

Характер Амелии проявился уже в том, что сразу после свадьбы она настояла, чтобы дочь мужа жила с ними. Но главное - она верила в дар Матисса уже тогда, когда в него еще никто не верил, и готова была следовать за ним хоть на край света!

Свой медовый месяц молодожены провели в Лондоне, где Матисс увлекся творчеством великого мастера цвета - Тёрнера. Затем супруги в поисках природы путешествовали по Корсике, Тулузу, Генуе. В 1896 году Матисс выставляет четыре картины в Салоне Национального общества изящных искусств и вскоре избирается членом-корреспондентом этого общества. Картина Матисса «Читающая» приобретает государством для резиденции президента Франции в Рамбуйе.

Наряду с работой над картинами Матисс посещает вечерние курсы, где занимается скульптурой. Это все требует времени и денег. К тому же разрастается семья, на рубеже двух веков у художника один за другим рождаются два сына - **Жан** и **Пьер**. В 1901 году Матисс едет на отдых и лечение после бронхита в Швейцарию, где продолжает много работать. Испытывая денежные затруднения, он некоторое время проводит вместе с семьей у родителей в провинции.

Все годы совместной жизни Амелия была тепелива, практична и жертвенна. Когда стало ясно, что на деньги, которые высылал Матиссу его отец, семье не прожить, она пошла работать и открыла шляпную мастерскую. Вряд ли Амелия слышала об Анне Достоевской, которая носила закладывать свое обручальное кольцо, чтобы дать Федору Михайловичу возможность еще и еще раз сыграть в рулетку. Но она тоже заложила свое обручальное кольцо, чтобы ее Анри купил себе *«Трех купальщиц»* Сезанна. Она верила, что одержимость мужа искусством когда-нибудь окупится.

И Матисс относился к своей семье с трепетом. Идиллию отразил знаменитый «Семейный портрет», где на фоне узорчатых ковров и диванов - оба сына, дочка и жена, его опора, друг и возлюбленная. Дружная семья была в то время тихой гаванью для художника.

Хотя случались, конечно, и штормы: повзрослевший Пьер, которого мальчишкой так любовно писал отец, вдруг понял, что ему никогда не дорасти до мастерства и славы отца. Начались юношеские депрессии и метания, которые раскачивали семейную лодку. Но, в конце концов, все разрешилось - сын уехал за океан в Нью-Йорк и сделал свою карьеру. Бальзамом для Матисса всегда оставалась любовь его старшей дочери Маргариты.

Творческие поиски и открытия

Сам Матисс считал впоследствии, что в новой манере он начал работать в 1898 году. Представление о наиболее ранних его пейзажах дают картины «Булонский лес» и «Люксембургский сад» (1902). В «Люксембургском саду» в передаче эффекта солнечного луча в глубине есть что-то импрессионистское. А зеленые, красные, синие-фиолетовые деревья, написанные крупными мазками, вызывают ассоциации с Гогеном. Не читая подписи под картиной, трудно предположить, что это Париж - настолько здесь звучны краски и щедра растительность. Но это еще не тот Матисс, который знаком нам по картинам зрелой поры.

В июне 1904 года состоялась первая персональная выставка художника. Летом того же года вместе с неоимпрессионистами П. Синьяком и Э. Кроссом Матисс едет на юг Франции, в Сен-Троpez. Он начинает работать в технике *дивизионизма*, используя отдельные точечные мазки.

Когда на знаменитом парижском «Осеннем салоне» 1905-го года Матисс среди прочих своих работ выставил портрет жены Амелии под названием «Женщина в зеленой шляпе», у многих зрителей едва не случился приступ бешенства. Толстая зеленая полоса посередине весьма условно написанного желтовато-розового лица - это по тем временам был вызов!

Нужно отдать должное Амелии - даже тогда гордая женщина ни на одну минуту не усомнилась в таланте мужа! И потом, в течение долгих десятилетий их брака, она стойчески выносила насмешки толпы, постоянно сопровождавшие медленно растущую славу мужа. А он, как и все художники, был очень уязвим и никогда до конца не уверен в себе.

Благодаря Матиссу появилось новое направление в авангардном искусстве, получившее название *фовизм* (от французского «дикий»). В 1907 году он отправляется в путешествие по Италии - посещает Венецию, Падую, Флоренцию, Сиену. В следующем году в «Заметках живописца» (1908) формулирует свои художественные принципы, говорит о необходимости «эмоций за счет простых средств». Тогда же художник едет в Алжир и знакомится с искусством Востока, что оказывается очень важным для его творчества. Для его картин этого периода характерны преобладание цвета над формой, пестрота и узорчатость, стилизация предметов.

В Париже Матисс открывает собственную художественную школу и начинает преподавать в ней. Правда, через некоторое время отходит от педагогической деятельности, чтобы целиком посвятить себя творчеству.

Одним из первых распознал и оценил Матисса русский коллекционер С.И. Щукин. В 1908 году он заказывает художнику три декоративных панно для своего дома в Москве. Третье панно - «Купание, или Медитация» - осталось лишь в набросках, а два других - «Танец» и «Музыка» - вскоре приобрели мировую известность. В них господствуют огненные краски, а композиции, заполненные движущимися в стремительном танце или играющими на древних музыкальных инструментах обнаженными юношами, символизируют природные стихии - огонь, землю, воздух. Выставленные в парижском Салоне перед отправкой их в Россию, композиции Матисса вызвали скандал: публику слишком эпатировала обнаженность персонажей и неожиданность трактовки образов.

В связи с установкой панно Матисс посетил Москву. Отвечая на вопросы о своем впечатлении от всего увиденного в России, он говорил: «Я видел вчера коллекцию

старых икон. Вот большое искусство! Я влюблен в их трогательную простоту, которая для меня ближе и дороже картин Фра Анджелико. Я счастлив, что, наконец, попал в Россию. Я жду многое от русского искусства, потому что чувствую: в душе русского народа хранятся несметные богатства, русский народ еще молод, он не успел еще растратить жара своей души».

На деньги, заработанные от продажи своих полотен русским коллекционерам Щукину и И.А. Морозову, Матисс приобрел дом с садом в парижском пригороде Исси-ле-Мулино.

В зимние месяцы с 1911 по 1913 год художник посещает Танжер (Марокко). Под впечатлением от поездки Матисс создает марокканский триптих *«Вид из окна в Танжере»* и другие полотна, приобретенные впоследствии И.А. Морозовым. Ему необходимо было найти нечто, объединяющее живую натуру и приемы ее изображения. Такой объединяющей субстанцией стал свет, увиденный Матиссом в Марокко и пронизывающий краски его танжерских полотен (*«Открытое окно с видом на бухту в Танжере»*).

Подводя итог своему марокканскому путешествию, Матисс сказал так: *«Путешествия в Марокко помогли мне осуществить необходимый переход и позволили вновь обрести более тесную связь с природой».*

Во второй раз в Танжер Матисс приехал уже в конце октября 1912. Глядя на его картины этого времени, кажется, что слепящее марокканское солнце «съело» все очертания предметов, выжгло яркие краски прежних Матиссовых живописных панно. Теперь краски у него сильно разбавлены, и пейзаж с видом на бухту на горизонте кажется чуть тронутым нежной акварелью. Масляные краски нанесены тонкими прозрачными слоями, сквозь которые просвечивает белизна холста. В целом это создает ощущение живого присутствия голубизны неба, синевы моря, свежести зелени и букетов фиолетовых и красных цветов, стоящих на подоконнике.

После 1914 года Матисс продолжал иногда писать пейзажи - *«Дорога в Кламаре»* (1916-1917), *«Монтальбан»* (1918), но в творчестве художника происходит новый поворот. Он все больше отдает предпочтение рисунку. Под влиянием живописи О. Ренуара увлекается изображением натурщиц в легких одеяниях, и появляется цикл *«Одалиски»*.

В 1920 году Матисс работает над эскизами декораций и костюмов для балета И. Стравинского *«Соловей»*. Его имя становится всемирно известным. Его выставки проходят в Москве, Нью-Йорке, Париже, Кельне, Лондоне, Берлине, Копенгагене и других городах. В июле 1925 года А. Матисс удостоивается звания кавалера ордена Почетного легиона, в 1927 году получает американскую премию Института Карнеги в Питтсбурге за картину *«Компотница и цветы»*. В 1930 году Матисс едет на Таити, где работает над двумя вариантами декоративных панно для фонда Барнеса.

В 30-40 годы происходит новый подъем: Матисс пытается подвести итог своим открытиям, сочетая декоративность, красочность с точным рисунком (панно *«Танец»*, 1932). Он переносит в монументальную живопись приемы графики. Это позволяет усилить впечатление движения. Он порывает с налетом светскости, изнеженности, создавая монументальные полотна *«Розовая обнаженная женщина»*, *«Сон»*, *«Натюрморт с раковиной»* (1940), *«Натюрморт с устрицами»* - одни из самых совершенных его созданий. В картинах все больше появляется асимметрии. Матисс отказывается от экзотики Востока. Преобладают женские фигуры в праздничных платьях, которые позируют художнику в креслах, на фоне ковров, рядом с цветами в вазах и пальмами (*«Желтое платье и шотландка»*, *«Королевский табак»*, *«Отдых танцовщицы»*).

После Первой мировой Матисс преимущественно живет в своем уютном доме в Ницце. Профессорская борода, очки, круглый крупный череп, застенчивая пластика доброжелательной улыбки, внимательный мягкий взгляд... Матиссу было шестьдесят три, когда в его безмятежную жизнь постучалась мадам Lidia, отчаявшаяся русская беглянка, уже познавшая и нищету, и мрак.

Славянский шарм или желание быть богом?

Существует много домыслов относительно жизненной истории Лиды Делекторской. В предисловии к своей книге, посвященной творчеству Матисса, она написала так:

«Я - томичка, единственная дочь детского врача. Вследствие эпидемий - сначала тифа, потом холеры, свирепствовавших в Сибири в начале 20-х годов, - к 1923 году я осталась круглой сиротой. Через год приютившая меня родственница, выезжая с детьми в Маньчжурию, увезла туда и меня. По окончании реального училища, таким же образом, не по своему почину, из Харбина я попала во Францию, где оказалась на положении эмигрантки, и к тому же никогда не учившей французского языка (в Маньчжурии в школах преподавался английский). В 19 лет я вышла замуж в Париже за русского же эмигранта, но уже в 20 лет я покинула его».

Спустя два года, перебравшись в Ниццу, в октябре 1932 года, в материально трудный для нее момент, Лидия чисто случайно нашла временную работу у Анри Матисса. Но месяца четыре спустя, его жене, уже много лет недомогавшей, понадобилось заменить свою полусиделку, полу-компаньонку. Вспомнили о Лидии, разыскали ее, и она заняла эту должность. Так Лидия Делекторская оказалась на 22 года возле Анри Матисса.

Из ее воспоминаний: *«В первый год моего пребывания у них Анри Матисс почти не обращал на меня внимания. Он жил, погруженный в свою работу: я была полезным в доме человеком и только. Потом однажды он пришел в перерыв на отдых, как всегда - с альбомом для набросков подмышкой, и пока я рассеянно слушала их разговор с женой, он вдруг скомандовал мне вполголоса: не шевелитесь! И, раскрыв альбом, сделал с меня зарисовку, в очень привычной для меня позе: голова, опущенная на скрещенные на спинке стула руки... Вскоре Матисс попросил меня позировать ему...»*

Лидия признается, что какое-то время мэтр воспринимал ее не более, чем прислугу. Двдцатидвухлетняя девушка, плохо говорившая по-французски, не разбиравшаяся в мудреном современном искусстве и даже не знавшая, насколько знаменит ее хозяин, не сразу заинтересовала Матисса, которому, судя по его прежним работам, была гораздо ближе другая красота. Лидия видела, какого типа девушек он находил где-нибудь на рыночной площади приморской Ниццы - это были плотные, жаркие, темноволосые южанки. Она же была северной мадонной, хотя вовсе не замухрышкой: высокая, статная, с выразительными татарскими скулами, прозрачными в своей яркости голубыми глазами и роскошными ниспадающими светло-русыми локонами.

В конце концов, он обратил на нее свое цепкое внимание. И, похоже, дело было не только в ее внешности, и даже не в ее вызывающей молодости. Сибирячка, дочка земского врача, она оказалась поразительно восприимчива к искусству, а ее жертвенная натура искала объект для поклонения и служения. Матиссу же хотелось быть Богом в девичьих глазах.

Комната художника с рождавшимися там картинами стала для Лидии алтарем, на который она с тихим восторгом положила свою жизнь. С того момента, как Лидия встретила своего Мастера, и до самой ее смерти у нее не было другого мужчины. И так ли уж важны альковные подробности «было - не было»? Скорее всего - было, во всяком случае, пока он был в силе - уж слишком нервничала законная мадам Матисс, сто раз пожалевшая, что согласилась принять в дом эту, на первый взгляд, безобидную русскую. Как-то незаметно из помощницы хозяйки она превратилась в секретаря и ассистента мужа.

Сначала Лида уходила ночевать к себе домой, но со временем Матисс не захотел расставаться со своей пассией и ночью - его мучила бессонница! В конце концов, Лидии стало так много в жизни Матисса, что Амелии там просто не осталось места, и она уехала к дочери в Париж. А в 1940-м году, после того, как на ее ультиматум: «Я или она», услышала жестокое: «она», Амелия подала на развод.

И дело не в том, что увядающая женщина не хотела делить супружеское ложе с молодой соперницей. Гораздо более важным было признание Матисса: *«Когда Лидия Делекторская приближается, я исцелен. Когда Лидия Делекторская удаляется, - обессилен. Боже милостивый, не действует ли это то, что называют «славянским шармом»? А дело просто-напросто в том, что она добрая. Но что за характерец!»*

Надо полагать, у него самого, неминуемо стареющего, все чаще болеющего пожилого человека характерец был еще тот! И он это понимал.

«Той, которая так покорно страдает, и не по своей вине - сжальтесь!» - писал он ей в одной из множества записочек, с помощью которых они общались, когда возникала ссора. И она тут же таяла, потому что знала, кем стала для него. *«Каждый раз, когда я скучаю, - признавался Матисс, - я сажусь за портрет госпожи Лидии - и тоски как не бывало».*

Художник запечатлел свою музу более чем на 90 полотнах, не считая эскизов и набросков.

Странное дело, несмотря на то, что Лидия осталась в доме Матисса полноправной хозяйкой, за официальный статус жены она и не думала бороться. Женщина продолжала называть себя секретарем Матисса, в крайнем случае - его другом. Более того, она стеснялась даже слухов об их близких отношениях, распространившихся по побережью.

Возможно, в ней заговорила целомудренная сибирячка. Он и так дал ей много: Лидия познакомилась с выдающимися людьми того времени - художниками, писателями, издателями. Хотя она не получила образования, долгое общение с мастером сделало из нее настоящего искусствоведа.

Я думаю только о работе...

В 1941-м году у 72-летнего Матисса обнаружился рак кишечника. Он долго и тяжело болел. Его жену и дочь арестовало гестапо за участие в движении Сопротивления, и Матисс долгое время ничего не знал об их участи. Он тревожится и за сына Жана, помогавшего борцам Сопротивления.

Работа оставалась самым главным в жизни мастера, мысли о ней не покидали его. В письмах к известному писателю Л. Арагону художник пишет: *«Я думаю только о работе...В моем возрасте никогда не знаешь, не будет ли работа, которую делаешь, последней в жизни - и надо сделать ее как можно лучше; уже нельзя отложить осуществление своей мысли на следующий раз...»*

После чудесного выздоровления его депрессивные настроения, бессонница только обострились, а руки отказывались служить. Постепенно Лидия стала его «руками». Она помогала Матиссу делать его знаменитые декупажи (серия «Джаз») из окрашенного картона, поддерживая в своем угасающем друге жажду жизни. В последние годы жизни Матисс много трудился над портретами, которые всегда считал своим призванием.

В 1947 году художник второй раз получает высшую степень ордена Почетного легиона, в 1950 - Венецианскую премию по живописи. В 1952 году на его родине открывается Музей Матисса. В 1948-1953 годах по заказу доминиканского ордена он работает над сооружением и декорацией «Капеллы четок» в Вансе. Это - последняя работа Матисса, которой он сам придавал большое значение. Несмотря на тяжелую болезнь, почти все его произведения последних лет светлы, оптимистичны и жизнерадостны по настроению.

Ночная сиделка и новая натурщица Моник

Матисс все больше слабел и морально, и физически, все больше зависел от своей голубоглазой музы, но однажды и ей пришлось испытать приступ ревности, как когда-то испытывала это жгучее чувство ее предшественница.

Когда Матисс слег после операции, ему потребовалась ночная сиделка. Лидия остановилась на невзрачной набожной сиротке **Моник Буржуа**. К неудовольствию Лидии ее неугомонный друг неожиданно заинтересовался девушкой, начал рассказывать ей о своих работах, а та отвечала откровениями о себе самой. А когда Матиссу стало лучше, и мадам Лидия объявила девушке, что в ее услугах больше не нуждаются, Анри неожиданно воспротивился и заявил, что Моник ему еще нужна, что он хочет ее рисовать. И девушка осталась в доме.

Потом она так рассказывала об этих сеансах: *«Я молчала, а он долго-долго смотрел на меня, прежде чем начать картину. Потом сосредотачивался, закрывал глаза и замирал. А потом, вдруг выйдя из медитации, бросался на холст...»* О чем думала во время этих сеансов Лидия, одному Богу известно. Но, вероятно, Моник заметила муки своей сестры во Христе и покинула дом художника. Матисс попытался ее отыскать, долго уговаривал вернуться, но однажды она сказала, что уходит в монастырь. Матисс посылал к ней Лидию, но Лидия не пошла - ослушалась его в первый раз в жизни!

В последние месяцы своей жизни Анри Матисс работал, передвигаясь по мастерской в кресле на колесиках. Иногда рисовал даже ночью, в минуты тяжелой бессонницы, чтобы

отвлечься. Даже после инфаркта, за день до смерти, Матисс попросил карандаш и сделал три портретных наброска.

На исходе 3 ноября 1954 года его сразил удар. Он умер в Ницце возрасте 85-ти лет. Рядом с ним не было ни его детей, ни его незабвенной Амелии. Была лишь Лидия.

Цветы для России

Ежегодно Анри Матисс преподносил Лидии два своих оригинальных рисунка: один - к Рождеству, другой - ко дню ее рождения. Конечно, он знал, что они стоят огромные деньги. Так и не женившись на своей «ассистентке», Матисс хотел обеспечить ее будущее: ведь его жизнь клонилась к закату, а она по-прежнему оставалась одинокой, да к тому же в чужой стране. Лидия, пристрастившись к коллекционированию, начала и сама время от времени покупать его творения, частенько залезая в долги, зато по вполне «рыночной» цене. Тем более, что он платил ей за ее «работу» секретаря и помощницы вполне приличную сумму.

Однажды она поняла, что ей неведомо быть единственной владелицей несметного богатства и решила им поделиться. Вот как она сама описывала историю своего душевного порыва:

«Это было в 1945 году. Только что кончилась война. Россия праздновала победу, но ценой скольких страданий! Что же до меня, то я пережила войну довольно пассивно, под теплым крылышком Матисса. Конечно, меня тоже не миновали какие-то трудности, но все же куда меньшие. Я не имела французских корней, а свои потеряла на родине, которую я по-прежнему очень люблю. Тогда меня обуял порыв братских чувств по отношению к России. К примеру, мне очень хотелось послать туда огромный букет цветов. Это, увы, невозможно, а жаль...»

И мне неожиданно пришла в голову мысль: купить у Матисса несколько лучших рисунков, пусть даже ценой самых неразумных долгов, и отослать этот драгоценный и, если так можно выразиться, неувядаемый (по сравнению с цветами) подарок московскому музею, где, без сомнения, знают Матисса.

Я тайком порылась в его картонных коробках с рисунками в поисках чего-нибудь, достойного музея и к тому же пришедшегося мне по вкусу, и отобрала семь работ обычного для Матисса формата, которые могли бы достойно украсить стены музея. Затем я нацарапала Матиссу короткое письмо, в котором приблизительно обрисовала приглянувшиеся рисунки и попросила мне их продать, но при одном условии: он возьмет за них не «дружескую цену», так как я не хочу его обременять, а цену, которую он запросил бы с торговца картинами.

Прочитав мое робкое послание, Матисс не выказал никакого удивления, выразил свое согласие с самим принципом и попросил показать ему отобранные мною рисунки. Он одобрил мой выбор, но за ту же цену семи работ отдал мне еще один рисунок в качестве «подарка».

Таким образом, в завуалированном виде он понизил ту цену, на что я, учитывая категорический тон моего письма, ни под каким видом бы не согласилась. Я очень обрадовалась и немедленно отправила в Москву письмо с вопросом, согласятся ли они принять мой дар. Кто знает, ведь дар был от «грязной» эмигрантки... Я получила благосклонный ответ...»

Получив «благосклонный ответ» (подумать только - «благосклонный ответ»!) от русских музеев и заверения в том, что они готовы принять ее дары, Лидия Делекторская стала дарить много и самоотверженно - в Московский ГМИИ и Ленинградский Эрмитаж.

Она привозила вещи сама или присылала по различным каналам, сопровождая каждую детальным описанием ее создания. Она читала все, что выходило о Матиссе в России, всеми силами старалась помочь его исследователям, принимала их у себя в Париже. Ее интересовало все, что происходит с ее дарами, ведь себе она не оставила ничего, кроме сорочки Матисса, которую завещала положить в свой гроб.

При этом по какой-то одной лишь ей ведомой причине она хотела остаться анонимом. В письме к директору Эрмитажа Борису Пиотровскому Лидия Делекторская писала: «...Если бы когда-нибудь было решено сделать, например, выставку книг, иллюстрированных Матиссом, я прошу прикрыть посвящение мне узенькой полоской белой бумаги».

Благодаря ее жертвенному дару мы имеем сегодня лучшие в мире коллекции произведений Матисса: рисунки и гравюры, живопись, скульптуру, керамику, а также - личные

вещи художника. А еще собственные вещи Делекторской, в которых она позировала Матиссу, их переписку и фотографии, запечатлевшие самые счастливые дни этих столь трепетно влюбленных друг в друга людей.

И вот он живет уже после себя...

Спустя 14 лет Луи Арагон в своей поэме «Анри Матисс в год своего столетия» (1968) написал такие строки:

Наш век - век Матисса навек.
Превращается прошлое в пыль.
От него остается
Лишь кресло Людовика XV
Той самой Второй империи,
Что была до того, как пришел Матисс
Жить.
И ветер уносит суетный шум
Листьев и праздников...
И вот он живет уже после себя, как и до нас,
Живущих в тумане неоконченных фраз,
До нас, кому каждый камень обманчив,
Сомнителен каждый приют.
Вот он в блеске славы своей.
Ее не погасит смерть.
В сиянии, как в одеянии, немеркнушем, бесконечном.

Поведение Делекторской после смерти Матисса для обывателя может показаться непонятным: она сразу собрала свои вещи и ушла из его дома. На похороны ее не пригласили.

Свое служение художнику Лидия продолжила, написав две книги о его творчестве, третья осталась незаконченной.

Делекторская любила показывать Россию французам и нередко за свои деньги привозила тех друзей, которые не могли себе этого позволить. Иногда ее можно было неожиданно увидеть в зале Эрмитажа. На удивленный вопрос: «Почему она не предупредила о своем приезде?», она отвечала: *«Просто захотелось побродить одной»*.

В Париже она привечала русских, особенно любила К. Паустовского, книги которого переводила на французский язык. Будучи уже больным человеком, она сузила круг общения. Возможно, боялась упустить время, отпущенное ей для работы, а может, не хотела, чтобы ее видели померкшей, больной.

Еще многие люди, знавшие ее лично, живы. Она умерла в 1998 году в своей квартире на бульваре Пор-Руаяль в Париже. Урна с прахом Лидии, согласно ее завещанию, была привезена в Россию и покоится на сельском кладбище в Павловске. На памятнике надпись: *«Матисс сохранил ее красоту для вечности»*.

...А на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа тоже стоит памятник над пустой могилой: *«Лидия Делекторская 1910- ...»* Это она купила себе место загодя - мало ли, вдруг Родина ее даже после смерти к себе не пустит? И теперь может показаться, что она до сих пор жива...

Но она и будет всегда жива для тех, кто смотрит на полотна Анри Матисса, запечатлевшие летучий светлый образ мадам Lidia, дочки земского врача из Томска.

Литература:

1. Арагон Луи. Анри Матисс. Т. 2 /Пер. с фр. Л. Зониной.- М.: Прогресс, 1978.- 232 с.
2. Денисова Е. Эта странная Лидия// Крестьянка.-2009.- №7-8.- Стр.52-57.
3. Костеневич А.Г. Французское искусство 19 - начала 20 века в Эрмитаже: Очерк-путеводитель.- Ленинград: Искусство. 1984. - 318с. (о Матиссе см. стр. 219-256.)
4. Эсколье Р. Матисс /Сокр. пер. с фр. Н.В. Шилинис и Г.А. Берсеновой. Ред. пер., автор примеч. и послесл. А.Г. Костеневич. - Ленинград: Искусство. 1979. -256с., 22 л. ил., портр. - (Сер. «Жизнь и искусство»)
5. Интернет.